

МЕХАНИЗМЫ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА И СООТНОШЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ (опыт республик Марий Эл и Мордовия, 2013–2019)

Бахлова Ольга Владимировна,

*доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ), olga.bahlova@gmail.com*

Бахлов Игорь Владимирович,

*доктор политических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ), bahlov@mail.ru*

Введение. Нацестроительство – долговременный исторический процесс, охватывающий множество сфер, направлений и уровней. Сложный состав населения России и федеративная форма устройства актуализируют его региональное измерение. Специфика и динамика данного измерения показаны на примере республик Марий Эл и Мордовия, народы которых на протяжении столетий принимали участие в формировании Российского государства. Основные задачи предполагают характеристику нормативных параметров соотношения идентичностей, содержания и векторов дискурсивных практик республиканских властей, степени сопряжения механизмов нацестроительства в ракурсе политики идентичности, соотнесение опыта обеих республик.

Материалы и методы. Главными источниками послужили официальные документы Республики Марий Эл и Республики Мордовия, материалы, образующие контент республиканских интернет-порталов. Исследование опиралось на системно-диалектический и институциональный подходы, модернистский конструктивизм и инструментализм. Ключевые методы – историко-диахронный, многоуровневого и сравнительного анализа, изучения документов.

Результаты исследования и их обсуждение. Выявлены константы и доминанты опыта республик Марий Эл и Мордовия в контексте нацестроительства и политики идентичности. Определены динамические изменения в рамках периода 2013–2019 гг., их увязка с предшествующим развитием республик как советских автономий и национально-государственных образований в составе Российской Федерации. Акцентированы внутренние для указанного периода принципиальные моменты, демонстрирующие корректировку ориентиров в соотношении идентичностей.

Заключение. Опыт республик Марий Эл и Мордовия в исследуемом ракурсе оценивается как положительный, но свидетельствующий о сохранении ограничений институционального плана как для позиционирования региональных элит, так и для продвижения эффективных механизмов нацестроительства на региональном уровне. Эволюция их практик связана с уменьшением значения этнического капитала как политического инструмента, сокращением / устранением атрибутики стратегий суверенизации постсоветской эпохи, конструктивной активизацией этнокультурных организаций в общероссийских проектах.

Ключевые слова: межнациональное согласие; нацестроительство; политика идентичности; Республика Марий Эл; Республика Мордовия; российская нация.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00364 А «Пространственное развитие России как фактор нацестроительства и формирования национальной идеи».

Для цитирования: Бахлова О. В., Бахлов И. В. Механизмы нацестроительства и соотношение идентичностей: региональное измерение (опыт республик Марий Эл и Мордовия, 2013–2019) // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 3. С. 286–302.

Введение

Россия на своем историческом пути претерпела множество потрясений и испытаний, социально-политических и иных трансформаций. Важнейший урок, который извлечен из них, что постоянно подчеркивается на высшем политическом уровне, – это необходимость сохранения

и укрепления единства и сплоченности. Будучи на протяжении столетий многонациональной страной, Россия накопила огромный опыт мирного, созидательного сосуществования и соразвития населяющих ее народов, диалога культур на базе общих ценностей и традиций. Эпохальные

события не раз подтверждали, что консолидация является залогом знаменательных достижений и свершений, а дезинтеграция ведет к деградации и даже краху государства, институтов и устоев в разных сферах жизни. Неслучайно из года в год, и особенно в год празднования 75-летнего юбилея Победы в Великой Отечественной войне, в нашей стране вспоминают о подвиге всего советского народа, поднявшегося на борьбу со страшным врагом и продемонстрировавшего непревзойденные силу духа, героизм и мужество. Напротив, распад Российской империи и Советского Союза побуждает не забывать о кульминационных негативных проявлениях разобщенности, обусловленных комплексом причин и факторов, в том числе этнополитического плана, требует их всестороннего осмысления.

Текущее состояние мира остается весьма неоднозначным и сопровождается разнообразными вызовами и угрозами. Международные кризисы, региональные и локальные конфликты, «цветные революции», эскалация международного терроризма и экстремизма, пандемии сотрясают государства и регионы, порождая постоянные попытки найти ответы на актуальные вопросы и облечь их в некие теоретико-концептуальные конструкции – уже апробированные, новые либо прежние, но радикально видоизмененные. Это применимо и к многоплановым интерпретациям концепта «нациестроительство» [5]. Акцентируем несколько принципиальных моментов. Во-первых, преобразования во внешней среде могут серьезно влиять на ход и результаты нациестроительства, однако внешнее (международное) вмешательство не является его механизмом; безусловный приоритет должен отдаваться внутренним движущим силам и мотивам. Во-вторых, недопустима универсализация одной модели либо одного подхода; вместе с тем необходимы обобщение и систематизация опыта в историко-политическом контексте на разных этапах эволюции государства и общества.

Россия является сложным по территориальному устройству государством, федерацией с самым большим в мире субъект-

ным составом с выраженной асимметрией. Субъекты Федерации – это и национально-государственные (республики), и национально-территориальные (автономная область, автономные округа), и территориальные (края, области, города федерального значения) образования. В ближайшем будущем, что следует из содержания конституционной реформы, предусматривается создание федеральных территорий, статус которых в пространстве Федерации пока неясен. Одновременно все субъекты Российской Федерации (РФ) можно рассматривать как регионы, притом включенные в макрорегионы (федеральные округа и экономические районы). Такая сложносочиненность пространственной композиции Российского государства в сочетании с неоднородностью регионов и страны в целом по совокупности параметров обуславливает насыщенность повестки нациестроительства и политики идентичности на разных уровнях, предполагая совмещение общегосударственных и местных (территориальных, этнических и др.) интересов и трендов.

Степень сопряжения данных интересов и трендов в разные периоды далеко не одинакова. В недавней истории она была минимальной, когда в постсоветской России наблюдалась демонстрация «суверенности» ряда регионов, посягавших на функции и полномочия Федерации. На современном этапе в официальных документах РФ и дискурсе российской власти фиксируется приверженность идее российской нации; при этом превальция общероссийской гражданской идентичности не означает подавления этнокультурной и территориальной идентичностей, что справедливо и в отношении российских регионов. Их множественность и разнообразие увеличивают вариативность процесса нациестроительства и его регионального измерения. Безусловно, нациестроительство осуществляется в масштабах страны, но региональная специфика сказывается на нем и привносит дополнительные оттенки в понимание содержания национального самосознания, национальной идеи и пр. Истоки этого находятся в историческом прошлом, в первую очередь совет-

ском, поскольку специфика построения РФ по преимуществу детерминирована наследием советской теории и практики федерализма. Однако не стоит забывать и о более далеких временах, когда зарождались и крепились многослойные узы дружбы и культурно-духовного родства народов, составивших многонациональный народ Российской Федерации. В данном ракурсе большой интерес представляет изучение опыта регионов, столетиями находящихся в орбите притяжения Русского/Российского государства, каковыми по праву можно считать и субъекты РФ с финно-угорским населением.

Обратимся к опыту двух республик – Республики Мордовия (РМ) и Республики Марий Эл (РМЭ), – показательному по нескольким основаниям. РМ и РМЭ характеризуются существенным сходством по ряду позиций: 1) политико-правовой статус в пространстве Федерации – он одинаков; 2) этническая структура населения: титульные этносы сопоставимы в процентном отношении к другим группам населения республик: 40 % в РМ и почти 44 % в РМЭ¹; 3) пространственное расположение: республики не являются непосредственными соседями, но территориально по российским меркам очень близки, обе политически инкорпорированы в один макрорегион – Приволжский федеральный округ (ПФО), а экономически – в Волго-Вятский район (согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года – в Волго-Камский); в более общем смысле они составляют неотъемлемую часть Поволжья – исторической зоны плотных межцивилизационных и межкультурных контактов; 4) длительность совместной с Русским государством / Россией, русским и другими народами России

истории (более чем 1000-летней у мордвы и более чем 500-летней у марийцев), национально-государственного и национально-культурного строительства, уходящего корнями в 1920–1930-е гг., когда создавались марийская и мордовская автономии в составе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Имеются и другие сходные черты, например своего рода биполярность (этнически-лингвистическая) у мордвы и марийцев.

Вместе с тем в историко-политическом ракурсе есть серьезные расхождения в позиционировании республик в позднесоветский и постсоветский периоды – в их атрибуции стратегии суверенизации. Так, 22 октября 1990 г. Верховный Совет Марийской АССР провозгласил Декларацию о государственном суверенитете республики, где говорилось о неотъемлемом праве марийской нации на самоопределение, о национальной государственности и государственном суверенитете². Заметим, что эта декларация, несмотря на протест прокурора республики, не была отменена даже в 2000-е гг., когда начался период «рецентрализации». Госсобранием РМЭ документ был признан «историческим фактом», отвечавшим духу времени и действиям других субъектов Федерации; отменена только ст. 18, которая придавала ему статус закона³. В принятой Верховным Советом Мордовской АССР 7 декабря 1990 г. Декларации о государственно-правовом статусе республики⁴ предусматривалось преобразование МАССР в МССР, но без закрепления ее государственного суверенитета, хотя подобный проект был разработан и опубликован⁵. Институт президентства в Мордовии (декабрь 1991 г. – апрель 1993 г.) в отличие от Марий Эл (октябрь 1991 г. – июнь 2011 г.) оказался недолговечным. Примечательны также

¹ См.: Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 20.07.2020).

² См.: Декларация о государственном суверенитете Марийской ССР. URL: <https://constitutions.ru/?p=2930> (дата обращения: 20.07.2020).

³ См.: О протесте прокурора Республики Марий Эл на Декларацию о государственном суверенитете Марийской Советской Социалистической Республики: постановление Государственного Собрания Республики Марий Эл от 10.11.2000 № 25-III. URL: <http://docs.cntd.ru/document/438929179> (дата обращения: 20.07.2020).

⁴ См.: Декларация о государственно-правовом суверенитете Мордовской Советской Социалистической Республики // Советская Мордовия. 1990. 11 дек.

⁵ См.: Становление государственности мордовского народа: методико-библиографический материал к 85-летию Мордовской автономии / сост. Е. А. Стешина; ред. Т. В. Овсянникова. Саранск, 2015. С. 16.

попытки Марий Эл утвердить институт республиканского гражданства [19].

Резюмируя, сформулируем цель нашего исследования – выявить специфику и динамику регионального измерения нациестроительства в России на примере РМЭ и РМ. Из нее вытекают следующие задачи: охарактеризовать нормативные параметры соотношения идентичностей в официальных документах республик; пояснить содержание и векторы дискурсивных практик республиканских властей в сферах, признаваемых существенно важными для процесса нациестроительства; определить степень сопряжения механизмов нациестроительства в ракурсе политики идентичности; соотнести опыт обеих республик в анализируемой плоскости.

Обзор литературы

Вопросы нациестроительства включены в обширное проблемное поле, формирующееся в отечественной и зарубежной научной литературе. В теоретико-концептуальном и методологическом плане первостепенно значимы работы, посвященные осмыслению проблем нациестроительства в многосоставных и трансформирующихся обществах, многонациональных государствах, интерпретации системообразующих понятий и категорий («национальная идентичность», «гражданская нация» и др.). Позиции их авторов выражаются бихевиористскими, функционалистскими, эссенциалистскими, постмодернистскими, модернистско-конструктивистскими и прочими версиями [12; 29–32; 38]. Исследования нациестроительства часто демонстрируют фокусировку либо на его «демократической» модели с акцентом на улучшение совместной жизни внутри сообщества путем институциональных усовершенствований, либо на «автократической», или «авторитарной», с артикуляцией ведущей роли элит, преследующих цели поддержания своего доминирующего положения [36]. Таким образом, предполагается изучение совокупности взаимодействий, складывающихся по разным линиям: элиты – население, межэлитные, горизонтальные, без доминирования определенных акторов

и т. п. Большое внимание при этом уделяется способам позиционирования различных групп и субъектов, применению ими различных методов и технологий. Среди таковых насущными признаются пропаганда преимуществ, получаемых в ходе нациестроительства [28], использование «этнического капитала» как производительного инструмента [35], концентрация внутренних усилий и возможностей политического субъекта – наличие «политической воли», проецируемой в массы [18]. Выражается мнение, что определенные стратегии управления идентичностью порождают негативные последствия в контексте аккультурации, поддерживая ассимиляцию меньшинств вместо интеграции [33]. Обращаясь к российской практике, авторы чаще всего фиксируют приверженность государствоцентричной парадигме, хотя одновременно рассуждают о перспективах гражданской нации, «России-цивилизации» и др. [5; 37]. С. П. Поцелуев и Дж. А. Тимкук относят российский случай к государственному типу нациестроительства [12, 117].

В нациестроительстве в России исследователи выделяют этнополитический и этнокультурный компоненты. Предметом многих работ выступают формирование и реализация государственной национальной политики, ее эволюция, концептуальные модели и пр. В рассматриваемом ракурсе обращает на себя внимание ее трактовка как совокупности политического проекта нациестроительства и этнополитики (управление этнокультурным развитием народов России, противодействие этническому и религиозному экстремизму, социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов и т. д.) [13]. Ввиду сложности территориального устройства и обширности Российского государства акцентируются региональная специфика, практики данного уровня, часто коррелирующиеся с конструированием различных типов идентичностей. Используется понятие «строительство регионов», интерпретируемое в русле региональной политики идентичности [27]. Дополнительные нюансы в ней присутствуют в национальных регионах, где манифестируются не

только территориальная, но и этническая составляющая структуры идентичности и соответственно еще более актуализируется их соотнесение с общероссийской идентичностью. Специального упоминания в связи с этим заслуживают работы О. А. Богатовой [3–4], И. Г. Напалковой и А. С. Солдатовой [11; 15–16], О. Н. Чирковой [23].

В качестве отдельной группы исследований следует рассмотреть работы, ориентированные на детализацию опыта Республики Марий Эл и Республики Мордовия в интересующем нас ракурсе. Историко-культурный и историко-политический контекст прослеживается в публикациях В. В. Козина и С. Г. Ушкина [7], А. В. Мартыненко и Т. Д. Надькина [9], В. Д. Шарова [25], Н. В. Шилова [26]. В коллективной монографии под редакцией Н. М. Арсентьева предпринимается попытка обобщить различные аспекты опыта финно-угорских народов, включая марийский и мордовский [22]. Другие авторы характеризуют динамику этнополитической и этнокультурной ситуации в РМ и РМЭ, увязывая ее как с региональными, так и с общероссийскими тенденциями. Они анализируют социокультурные и этнокультурные ценности и межэтнические ориентации, выявляют особенности республиканского опыта [2; 8; 21; 24].

Большинство авторов склонны констатировать позитивные стороны такого опыта, подчеркивая отсутствие серьезной напряженности на этноконфессиональной почве и в Мордовии, и в Марий Эл, стремление к диалогу, межнациональному согласию и т. п. [14; 20; 34]. Акцентируются историческая связь народов и значение единства для укрепления национальной государственности: «...мордовский народ, много веков созидавший совместно с русским и нерусскими народами многонациональное Российское государство... отчетливо понимает, что лишь Россия – его Родина и его Отечество...» [10, 29]. Однако есть более критические оценки, соотносимые как с этническими, так и с политическими моментами [17; 25]. В частности, авторы усматривают авторитарные проявления в политическом развитии регионов, слабость и

пассивность некоммерческих организаций, что препятствует усилению гражданского вектора нациестроительства, сохраняющиеся очаги и зоны по большей мере латентной конфликтности, детерминированные причинами и факторами как внутреннего, так и внешнего происхождения, в том числе нарастанием миграционных потоков. В целом отмечается достаточно высокая степень толерантности жителей РМ и РМЭ к мигрантам, но одновременно фиксируется заметная доля респондентов, проявляющих мигрантофобию [6, 659].

Подытоживая, можно говорить об устойчивом и диверсифицированном исследовательском интересе в анализируемой плоскости. Однако, несмотря на значительное количество работ, все же остаются малоизученными вопросы сопряжения регионального и общероссийского уровней данного процесса: авторы склонны преимущественно к концентрации на одном из них, притом линейно показывают те или иные векторы. Это касается и непосредственно спецификации механизмов нациестроительства, увязки с условиями и возможностями регионов, их положением в системе центрально-региональных отношений в прошлом и современности. Требуются конкретизация и аккумулирование регионального опыта, формирующегося в разветвленном пространстве коммуникаций по горизонтали и по вертикали.

Материалы и методы

В основе исследования – официальные документы Республики Марий Эл и Республики Мордовия и в целом материалы, образующие контент республиканских интернет-порталов, раскрывающие содержание дискурса представителей властных структур и деятельность ответственных республиканских ведомств. Частично использовались результаты социологических исследований (анкетных и экспертных опросов, фокус-групповых исследований), проведенных коллективом исполнителей нашего гранта [2; 15–16] и другими авторами, структурами, центрами и т. д. [6–8; 23–24 и др.], иллюстрирующие состояние и динамику ситуации в

Марий Эл и Мордовии прежде всего в области межнациональных отношений.

Исследование базируется на системно-диалектическом и институциональном подходах с опорой на «старый институционализм» – для определения нормативной динамики; «новый институционализм» – для концентрации внимания на соответствующих программах и политических решениях; исторический институционализм – в контексте влияния прошлого опыта и традиций на действия акторов. В плоскости нациестроительства учитывались в первую очередь установки модернистского конструктивизма и инструментализма, акцентирующие те или иные механизмы.

Главные методы исследования – историко-диахронный, многоуровневого и сравнительного (динамического и бинарного) анализа. Выбор объектов исследования был обусловлен близкими контекстуальными особенностями республик. Данные методы позволили показать общие и отличительные черты в репрезентации соотношения идентичностей и продвижении механизмов нациестроительства в указанных временных рамках, соотнести опыт Марий Эл и Мордовии с учетом совокупности политико-правовых и социокультурных параметров, определить степень корреляции республиканского опыта и дискурса региональных властей с федеральными трендами. Привлекались также традиционный анализ документов и контекстный анализ официального дискурса, ориентированные на выявление и обобщение главных ориентиров в плоскости нациестроительства.

Хронологические рамки исследования распространяются на 2013–2019 гг. Они сопрягаются с ключевыми в рассматриваемом ракурсе инициативами федерального центра и последующими решениями на этой основе региональных органов власти. Заметим, что на данные временные рамки пришлось важные для изучаемых регионов политические события, скорректировавшие стратегии и тактики поведения их элит и сместившие акценты в интерпретации инструментария нациестроительства через призму соотношения региональной/этнической/общероссийской идентичности.

Результаты исследования и их обсуждение

Прежде чем анализировать непосредственно опыт Республики Марий Эл и Республики Мордовия, артикулируем некоторые положения, принципиальные для понимания процесса нациестроительства и политики идентичности. Они были выявлены в ходе предшествующих исследований [2].

Во-первых, нациестроительство охватывает различные сферы, среди которых наиболее значимыми признаются национальная, образовательная, культурная политика. С учетом важности этнокультурного компонента в политике идентичности для национальных регионов в поле нашего зрения попали прежде всего национальная и культурная политика и политические дискурсы в данной области.

Во-вторых, к ключевым механизмам продвижения нациестроительства в российских условиях можно отнести оформление национальной идеи; формирование государственной политики пространственного развития; укрепление и совершенствование символической политики и политики памяти; развитие и пропаганду русской культуры, языка, культуры народов России; укрепление нормативных основ государственной национальной политики. В региональном измерении, разумеется, нельзя вести речь об автономной национальной идее, но можно рассуждать о восприятии предлагаемых федеральными акторами ее вариантов как региональным политическим сообществом, так и населением региона в целом. Символическая политика и политика памяти небезосновательно рассматриваются в общем русле политики региональной идентичности; здесь чрезвычайную важность приобретают символы и архетипы, не противоречащие общероссийским, а органично дополняющие их и передающие суть этнокультурного наследия региона. Однако ввиду обширности и многослойности названных и других механизмов наше внимание будет сосредоточено на нормативно-институциональных рамках.

Нормативная составляющая в российских регионах как субъектах Федерации задается совокупностью требований федерального и регионального законодательства. Восстановление единства политико-правового пространства Федерации в начале 2000-х гг. существенно сузило поле, свободное для маневров и комбинаций региональных властей в плоскости политики идентичности, сместив ее акценты. Опыт Марий Эл и Мордовии достаточно наглядно это подтверждает посредством как их законодательных актов, так и концептуально-стратегических документов.

Примечательны формулировки преамбул республиканских конституций. В Конституции РМЭ можно акцентировать словосочетания: «Народ Республики Марий Эл», «неотъемлемое право на самоопределение» и «историческое единство с народами России»⁶. В Конституции РМ – «полномочные представители многонационального народа Российской Федерации, проживающего в Республике Мордовия», «стремление к сохранению целостности Российской Федерации», «осознавая Мордовию частью Великой России»⁷. Разница в расстановке акцентов в соотношении политических идентичностей очевидна.

Любопытны документы, характеризующие статус определенных республиканских ведомств. Здесь наблюдается несколько иная, более противоречивая картина. Например, к задачам отдела межнациональных и межконфессиональных

отношений Министерства культуры, печати и по делам национальностей РМЭ отнесено помимо прочего осуществление мероприятий, направленных на укрепление гражданского единства российской нации⁸; среди основных задач самого министерства – проведение *единой государственной политики* в сферах деятельности, отнесенных к его компетенции⁹; одной из задач Совета по делам национальностей при министерстве названо *содействие в реализации государственной национальной политики Республики Марий Эл*¹⁰. В соответствующей концепции РМЭ употребляется именно это выражение, хотя в целом ее положения и республиканские программы выражают ориентацию на «укрепление общероссийской гражданской идентичности», «развитие духовного и гражданского единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации)»¹¹.

Показательна динамика формулировок программных целей в сфере этнокультурного развития. В Республиканской целевой программе на 2009–2013 годы закреплялась следующая их комбинация: цель 1 – формирование условий для удовлетворения прав личности на свободу вероисповедания, творчества и участия в культурной жизни, реализацию и развитие своей этнокультурной самобытности; цель 2 – сохранение культурного и языкового разнообразия; содействие формированию условий для изучения, культивирования и развития гражданами родной культуры и использования родного и го-

⁶ Конституция Республики Марий Эл. Принята Конституционным Собранием Республики Марий Эл 24.06.1995 (в ред. от 31.07.2014). URL: <http://docs.cntd.ru/document/304200038> (дата обращения: 21.07.2020).

⁷ Конституция Республики Мордовия. Принята Конституционным Собранием Республики Мордовия 21.09.1995 (в ред. от 25.12.2017). URL: <http://docs.cntd.ru/document/804950314> (дата обращения: 21.07.2020).

⁸ См.: Положение об отделе межнациональных и межконфессиональных отношений Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл: утв. приказом Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл от 01.10.2018 № 262. URL: http://mari-el.gov.ru/mincult/DocLib/position_OMMO.pdf (дата обращения: 21.07.2020).

⁹ См.: Положение о Министерстве культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл: утв. постановлением Правительства Республики Марий Эл от 15.11.2012 № 418 (в ред. от 21.05.2019). URL: http://mari-el.gov.ru/mincult/DocLib/p_22052019.pdf (дата обращения: 21.07.2020).

¹⁰ См.: Положение о Совете по делам национальностей при Министерстве культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл: утв. приказом Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл от 17.02.2010 № 60 (в ред. от 13.02.2017). URL: http://mari-el.gov.ru/mincult/DocLib22/pol_sovet_13022017_33.pdf (дата обращения: 21.07.2020).

¹¹ Концепция государственной национальной политики Республики Марий Эл: утв. Указом Главы Республики Марий Эл от 08.05.2015 № 113 (в ред. от 15.07.2019). URL: <http://docs.cntd.ru/document/428545559> (дата обращения: 21.07.2020).

сударственных языков РМЭ; цель 3 – распространение и укрепление в обществе толерантных социальных установок и стереотипов; содействие интеграционным процессам на основе исторических и культурных традиций, наследия народов России, общегосударственной гражданской идентичности и самосознания, государственного патриотизма¹². В действующем ныне документе (подпрограмме 1) среди целей указаны укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации); содействие укреплению гражданского единства и гармонизации межнациональных отношений; содействие этнокультурному и языковому многообразию народов России, проживающих в Республике Марий Эл, а в качестве одного из приоритетов – «формирование ценностей региональной и общероссийской идентичности на основе всестороннего и гармоничного этнокультурного развития народов Российской Федерации, проживающих в Республике Марий Эл»¹³.

Документы РМ отличаются большей гомогенностью и последовательностью позиции в исследуемом ракурсе. Так, Министерство культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия позиционируется как исполнительный орган государственной власти Республики Мордовия, осуществляющий «...функции по выработке и реализации государственной политики... в сферах... национального развития и межнациональ-

ных отношений... на территории Республики Мордовия»; в характеристике его полномочий тоже заметна артикуляция общероссийского уровня идентичности¹⁴. Подобную направленность имеют и основные республиканские программы в сферах межнациональных отношений и культуры. Выражение «государственная национальная политика Республики Мордовия» встречается один раз¹⁵ и вряд ли может трактоваться как константа позиции республики. Отметим, что в РМ отсутствует документ, аналогичный Концепции национальной политики РМЭ.

С другой стороны, сравнение предшествующей и действующей ныне программ РМ в сфере культуры выявило некоторые динамические изменения в сути и иерархии приоритетов, близкие показанным на примере РМЭ. Реализация стратегической роли культуры понимается в том числе в увязке с единством российского общества, тогда как ранее акцент делался скорее на сохранении и развитии культурного наследия республики¹⁶.

Почти нет расхождений в константах и доминантах официальных документов РМ и дискурсивных практик Главы Республики Мордовия. Для Главы РМ характерны анализ ситуации в республике и постановка задач на перспективу в контексте общероссийских событий (воссоединения Крыма с Россией и др.), судьбы России; в его ежегодных посланиях часто встречаются образы «великая держава Россия», «великая Родина Россия», «род-

¹² См.: Республиканская целевая программа «Этнокультурное развитие Республики Марий Эл (2009–2013 годы)»: утв. постановлением Правительства Республики Марий Эл от 24.03.2008 № 68 (утратило силу) (в ред. от 27.12.2013). URL: <http://docs.cntd.ru/document/819053430> (дата обращения: 21.07.2020).

¹³ Государственная программа «Государственная национальная политика Республики Марий Эл на 2013–2025 годы»: утв. постановлением Правительства Республики Марий Эл от 08.10.2012 № 387 (в ред. от 19.03.2020). URL: <http://docs.cntd.ru/document/423845803> (дата обращения: 21.07.2020).

¹⁴ См.: Положение о Министерстве культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия: утв. постановлением Правительства Республики Мордовия от 11.10.2017 № 551. URL: <https://mktrm.ru/o-ministerstve> (дата обращения: 21.07.2020).

¹⁵ См.: Государственная программа «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия» на 2014–2024 годы: утв. постановлением Правительства Республики Мордовия от 18.11.2013 № 507 (в ред. от 03.04.2020). URL: <http://docs.cntd.ru/document/424029654> (дата обращения: 21.07.2020).

¹⁶ См.: Государственная программа Республики Мордовия «Развитие культуры и туризма» (2014–2024): утв. постановлением Правительства Республики Мордовия от 23.12.2013 № 579 (с изм. на 16.04.2020). URL: <http://docs.cntd.ru/document/460226488> (дата обращения: 22.07.2020); Республиканская целевая программа «Культура Мордовии» на 2011–2016 годы: утв. постановлением Правительства Республики Мордовия от 27.06.2011 г. № 227 (утратило силу) (в ред. от 09.12.2013). URL: <http://docs.cntd.ru/document/906301442> (дата обращения: 22.07.2020).

ная Россия». Сквозной темой является тема единства – всей страны и республики. Типичен лозунг-призыв в послании 2014 г.: «*Пусть наша Россия будет единой и сильной на все времена!*» Яркий сюжет первого срока полномочий В. Д. Волкова в качестве Главы РМ – празднование в 2012 г. Тысячелетия единения мордовского народа с народами Российского государства, трактуемое как всероссийская демонстрация единения народов страны (послание 2013 г.).

Несмотря на манифестацию определенной преувеличения в соотношении политических идентичностей, в дискурсе Главы РМ значительное место занимают вопросы собственно региональной политики идентичности, в рамках которой обсуждаются поддержка самобытной национальной культуры (в том числе самодельного народного творчества, «дорожной карты» по возрождению и развитию народных промыслов и ремесел), развития мордовских языков и др. (показательны послания 2018–2019 гг.)¹⁷. Принципиальных смысловых изменений в нем за прошедшее время не наблюдается; вместе с тем освещаемые Главой РМ сюжеты стали более насыщенными, развернутыми, связь с общегосударственными задачами – более четкой; ошутимее оказались также акценты на темах (патриотического) воспитания, пресечения воздействия агрессивной внешней среды, гражданской (социальной, общественной) активности. Обоснование республиканской идентичности – один из фокусов политического дискурса РМ, но можно согласиться с мнением о вторичности этнотерриториальной самоидентификации республиканской элиты по отношению к центр-периферийной [4, 135]. Заметим, что в период пребывания на посту Главы РМ Н. И. Меркушкина степень этнизации политического дискурса республики оценивалась как довольно зримая [3].

С другой стороны, справедливо подмечается, что именно при нем были заложены основные векторы имиджирования РМ, в том числе как «региона гармоничных межнациональных и межконфессиональных взаимоотношений» [11, 52].

Динамику представлений о соотношении идентичностей в политическом дискурсе РМЭ отразить сложнее, поскольку после ликвидации в ней института президентства послания Главы располагаются в экономической плоскости, будучи посвящены вопросам инвестиционного положения республики. Сошлемся на результаты других исследований, в которых обобщался опыт более раннего периода дискурсивных практик региональных властей и средств массовой информации. Выделим утверждение о средней степени этнизации этнополитических компонентов имиджа Республики Марий Эл и дискурса республиканской этнической политики [3, 105]. Анализ официальных документов ранее продемонстрировал определенные расхождения между РМЭ и РМ, но в целом высказывания действующего Главы РМЭ А. А. Евстифеева свидетельствуют об умеренной позиции в этнополитической области. В его выступлениях фиксируются конструкции «великая страна», «преданность Отчизне», «чувство сопричастности и ответственности за судьбу России и Марийского края», «единство»¹⁸. Глава РМЭ подчеркивает «сплоченность всех жителей нашей многонациональной страны», отмечая: «В переломные моменты исторического развития Российского государства *Марийский край доказывал неразрывность своей судьбы, своего будущего с судьбой и будущим всей страны*»¹⁹.

Декларируемые ориентиры в плоскости нациестроительства и политики идентичности воплощаются в разнообразных мероприятиях. Анализ контента интернет-порталов органов государственной

¹⁷ См.: Послания Главы Республики Мордовия за 2013–2019 гг., размещенные на интернет-портале государственных органов РМ (<http://www.e-mordovia.ru/>).

¹⁸ URL: <http://mari-el.gov.ru/president/>

¹⁹ Поздравление Главы Республики Марий Эл А. А. Евстифеева с Днем народного единства и Днем Республики Марий Эл. URL: <http://mari-el.gov.ru/president/Pages/news/2019/20191101.aspx> (дата обращения: 22.07.2020).

власти РМЭ²⁰ и РМ²¹ позволяет составить представление о них. Обобщая, подчеркнем многоуровневость репрезентации идентичностей, что затрагивает в том числе внешнее измерение с акцентом на защите общероссийской культурной идентичности (например, участие в Международном фестивале русских драматических театров «Соотечественники»). Преобладают мероприятия «внутреннего» измерения, развивающие темы «большой» и «малой» Родины в ракурсе гражданской, этнической и территориальной идентичностей: всероссийского, межрегионального, республиканского, районного и прочего масштаба. Это всероссийские интернет-акция «Я часть единения», художественная выставка «Россия – Родина моя», конкурс «Патриот России»; межрегиональные выставка «Большая Волга – искусство республик Поволжья», фестиваль-конкурс национальной патриотической песни «Душа России», детский творческий конкурс «Дружба народов – единство России»; республиканские выставка «Мой край – Мордовия моя», фестиваль (РМЭ) «Навеки с Россией»; выставочный проект «Мордва и русские – взаимовлияние культур: мордовская деревня вчера, сегодня, завтра» и т. п. Относительно временной динамики отметим определенное увеличение начиная с 2016 г. количества и диверсификацию этнокультурных мероприятий в РМЭ, коррелирующихся с трендом на утверждение общероссийской гражданской идентичности.

В исследуемой плоскости примечательно также вовлечение республик, национально-культурных общественных объединений (НКОО), более конкретно – этнокультурных некоммерческих организаций (НКО) разного уровня, национально-культурных автономий (НКА) в

осуществление общероссийских, межрегиональных и региональных инициатив и проектов. Так, Федеральная национально-культурная автономия марийцев России (ФНКА «Марийцы России») в 2020 г. получила грант Правительства РМЭ на реализацию проекта «Марийские аудиокниги» (в рамках регионального проекта «Творческие люди» национального проекта «Культура»); национально-культурные некоммерческие организации РМЭ приглашены к участию в проекте «Школа медиакоммуникации для этнокультурных НКО», распространяющемся на 15 российских регионов (из финно-угорских регионов кроме РМЭ участвуют Республика Коми и Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (ХМАО – Югра)). ФНКА «Марийцы России» стала одним из победителей I Всероссийского конкурса лучших практик в сфере национальных отношений (2018 г.) (проект «Фестиваль национальной кухни “Этнокухня-2018”»), хотя среди финалистов не было ни одной организации из РМ и РМЭ (в отличие от других финно-угорских регионов – Республики Коми, Удмуртской Республики, ХМАО – Югры)²².

Позже динамика несколько улучшилась: некоммерческая ассоциация «Поволжский центр культур финно-угорских народов» (г. Саранск, РМ) в 2019 г. победила во II Всероссийском конкурсе (проект «Международная этнокультурная экспедиция-фестиваль “Волга – река мира. Диалог культур волжских народов”»); региональная общественная культурно-просветительская организация «Дом дружбы народов Республики Мордовия» – в конкурсе 2019 г. среди некоммерческих организаций на 100 творческих проектов, направленных на укрепление российской гражданской идентичности на основе духовно-

²⁰ См.: Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл: офиц. сайт. URL: <http://mari-el.gov.ru/mincult/Pages/main.aspx> (дата обращения: 22.07.2020).

²¹ См.: Министерство культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия: офиц. сайт. URL: <http://www.e-mordovia.ru/gosudarstvennaya-vlast-rm/ministerstva-i-vedomstva/ministerstvo-ktrm/> (дата обращения: 22.07.2020).

²² См.: Сборник методических материалов по итогам реализации проекта «Моя Россия – единство народов. Организация деятельности сети ресурсных центров в сфере национальных отношений» / Общероссийская общественная организация «Ассамблея народов России»; АНО «Ресурсный центр в сфере национальных отношений». Москва, 2018.

нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации (проект «Межрегиональный этнокультурный транзит “Территория традиций”») и др. Довольно обширный материал о достижениях РМЭ в рассматриваемом ракурсе на современном этапе содержит сайт АНО «Ресурсный центр в сфере национальных отношений»²³.

Деятельность НКОО и НКО, их взаимодействие с властными структурами, между собой, общественными объединениями могут восприниматься как важный институционально-коммуникативный механизм нациестроительства, укрепляющий его гражданский вектор. С другой стороны, в теоретическом и официальном дискурсах выявляются уязвимости, препятствующие этому. Так, Глава РМ неоднократно высказывался о *недостаточной интенсивности* проектной деятельности некоммерческих организаций, имея в виду число победителей и объемы выигранных средств на реализацию проектов, *неумении грамотно подготовить проект, обосновать его необходимость*. Исследования проектной деятельности НКО РМ, проведенные в рамках нашего гранта, подтверждают их слабую включенность в процесс принятия политико-управленческих решений и неактивность, несмотря на многочисленность. Содержание проектов дублирует позиционные линии политики идентичности региональной элиты, преобладает актуализация скреп общероссийской идентичности [16, 182, 192].

В целом функционирование «третьего сектора» существенно зависит от политико-институциональных условий общегосударственного и регионального уровней. Ответственность здесь, разумеется, двусторонняя, поэтому региональной власти необходимо найти или адаптировать дополнительные инструменты стимулирования подобных организаций.

Оговоримся, что для выявления институциональных форм представительства регионами своих интересов (особенно этнических) и репрезентации региональной идентичности (включая ее этнополитический аспект) остается актуальным предметное изучение НКОО, в том числе национально-культурных автономий, что выходит за рамки данного исследования. Подчеркнем только, что возможности НКА, закрепленные законодательно, позволяют им взаимодействовать с консультативными и совещательными органами при Правительстве РФ и исполнительными органами субъектов Федерации, а также органами местного самоуправления²⁴. Соответственно потенциально усиливается перспектива сбалансирования различных линий и осей в региональной политике идентичности, что, в свою очередь, способствует продвижению консолидирующих механизмов нациестроительства и одновременно большему учету этнокультурного компонента. Однако в анализируемый период в интересующих нас республиках действовало не такое значительное количество НКОО. В РМЭ их было всего четыре, притом только одна – «Союз марийской молодежи “У Вий”» («Молодая сила») – может рассматриваться как представляющая интересы марийцев, хотя ее деятельность вызывает серьезные нарекания²⁵.

Подытоживая, солидаризируемся с исследовательскими оценками, акцентирующими позитивную направленность опыта обеих республик на установки межэтнического сотрудничества [7; 14; 21; 23]. Элементы этнизации, безусловно, присутствуют в их стратегиях – имиджевых и иных, но политически они не доминируют, выступая скорее привычной, понятной и принимаемой без явного сопротивления константой как для республиканских элит и населения регионов, так и для федерального центра.

²³ URL: <http://ресурсныйцентр-анр.пф/region/12>

²⁴ См.: О национально-культурной автономии: Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ (в ред. от 04.11.2014). URL: <http://docs.cntd.ru/document/9018667> (дата обращения: 22.07.2020).

²⁵ См.: Список национально-культурных объединений России // Сборник методических материалов / Ассамблея народов России. М., 2014. Вып. 9. С. 136–139. Отметим, что в начале июля 2020 г. региональное управление Министерства юстиции России подало иск о ликвидации данной организации в связи с выявленными нарушениями.

Заключение

Содержание и динамику опыта Республики Марий Эл и Республики Мордовия в целом можно трактовать в положительном ключе, как подтверждение «солидарного настроения» на поддержку и продолжение определившихся векторов репрезентации региональной идентичности в контексте общероссийского процесса нациестроительства. С другой стороны, выявленные константы и доминанты обусловлены не только осознанными практиками соответствующей идентификации, вытекающими в том числе из особенностей менталитета и структуры населения регионов, их исторического развития, но и в значительной степени конъюнктурными соображениями республиканских элит, осознающих ограниченность потенциала маневрирования в отношениях с федеральным центром. Ввиду этого постепенно снижается привлекательность использования инструментария этнического капитала, что находит отражение в нормативном измерении. Однако данное измерение можно понимать и как по большей мере демонстрационное, призванное убедить федеральный центр в лояльности. Семантически диахронный анализ республиканских документов свидетельствует о почти безоговорочном следовании РМЭ и РМ тренду на утверждение общероссийской идентичности.

Настораживающие моменты прослеживаются в институциональной плоскости. Важным механизмом нациестроительства в направлении завершения формирования общероссийской гражданской нации выступает гражданская активность. Ее повышение на современном этапе налицо, как и различные формы поддержки со стороны федеральных и региональных органов. Однако здесь сохраняются недоработки, упущения, которые, впрочем, типичны не только для РМЭ и РМ, но и для многих других российских регионов, и для всей страны. На региональном уровне предпочтение отдается таким механизмам, как политическая воля и политическая консолидация. В этом плане опыт РМЭ и РМ и совпадают, если судить по лейтмотиву их политического дискурса, и различаются. Примени-

тельно к Мордовии можно говорить о политической преемственности, сложившейся управленческой «команде», отсутствии серьезных разрывов внутри исследуемого периода в стратегиях политического управления, брендирования территории и пр. В Марий Эл данный период более прерывист, как и в целом опыт постсоветского развития республики неоднозначен. С 2017 г. отмечается преимущественное следование РМЭ и ее элиты в фарватере общероссийского курса.

Показанная динамика продолжает логику периода начала 2000-х гг. Первоначально ее главным вектором было прежде всего устранение наиболее явных доказательств «правового нигилизма» регионов постсоветского времени. Была проведена большая работа в законодательной сфере, хотя отдельные рудименты наследия 1990-х гг. сохранились в Марий Эл. Принятие Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации в 2012 г., ее адаптация к изменившимся обстоятельствам, закрепление основ государственной культурной и молодежной политики, совершенствование региональной политики (государственной политики регионального развития), внедрение инструментария стратегического планирования и другие федеральные инициативы преобразовали рамочные условия для регионов. Принятые начиная с 2013–2014 гг. государственные программы РМЭ и РМ это, несомненно, отражают. В 2018–2019 гг. регионы, этнокультурные организации получили дополнительные возможности благодаря Всероссийскому конкурсу лучших практик в сфере национальных отношений, что свидетельствует об умеренной позитивной институциональной динамике в рассматриваемом ракурсе. Кроме того, важно отметить усиливающееся сопряжение решений и мероприятий в плоскости нациестроительства с реализацией национальных проектов и более широко – социальных задач. Полагаем, что в этом смысле и для РМЭ, и для РМ ключевым в выстраивании политики идентичности и позиций по повестке нациестроительства, как и в предшествующий период, будет их статус дотационных, а не национальных регионов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахлова О. В., Бахлов И. В. Государственная политика нациестроительства в России: содержание, институты и механизмы // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2019. Т. 27, № 3 (108). С. 413–435. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.413-435>
2. Бахлов И. В., Бахлова О. В. Реализация государственной национальной политики Российской Федерации в финно-угорских республиках – субъектах РФ: эволюция подходов и практик (2000–2018) // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11, № 3. С. 301–324. DOI: <https://doi.org/10.15507/2076-2577.011.2019.03.301-324>
3. Богатова О. А. Особенности образов «финно-угорских» республик в политическом дискурсе органов государственной власти (на примере республик Марий Эл, Мордовии и Удмуртской Республики) // Известия Саратовского университета. Новая сер. Сер.: Социология. Политология. 2015. Т. 15, № 2. С. 103–107. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23711540> (дата обращения: 21.07.2020).
4. Богатова О. А. Социальное конструирование республиканской идентичности в региональных политических дискурсах // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2017. Т. 25, № 1 (98). С. 117–138. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28923274> (дата обращения: 21.07.2020).
5. Волков Ю. Г., Лубский А. В. Российская реальность в пространстве социологического дискурса: в 2 кн. Ростов-на-Дону; Таганрог: Южный федеральный ун-т, 2019. Кн. 2. 384 с.
6. Воронцов В. С., Мартыненко А. В., Орлова О. В., Шабаев Ю. П. Проблемы общественного восприятия миграции населением финно-угорских республик России (на материалах Марий Эл, Мордовии, Коми, Удмуртии) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, № 4. С. 653–663. DOI: <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2019-13-4-653-663>
7. Козин В. В., Ушкин С. Г. Этносоциологические исследования в Республике Мордовия в 1990–2010 гг.: ретроспективный анализ // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2019. Т. 27, № 4 (109). С. 858–879. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.109.027.201904.858-879>
8. Лимкина Н. А. Межнациональные отношения в Республике Мордовия // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2018. № 6-1. С. 55–59. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36647894> (дата обращения: 21.07.2020).
9. Мартыненко А. В., Надькин Т. Д. Этнополитическое и конфессиональное развитие в постсоветской Республике Мордовия: достижения, проблемы и перспективы // Клио. 2014. № 6 (90). С. 89–91. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21634709> (дата обращения: 21.07.2020).
10. Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н. Этнические процессы у мордвы на современном этапе // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2015. № 4 (32). С. 26–30. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29370893> (дата обращения: 21.07.2020).
11. Напалкова И. Г., Курочкина К. В. Исторический и современный персон-образ как элемент символического этнонационального капитала Республики Мордовия (2014–2019 гг.) // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 1. С. 42–61. DOI: <https://doi.org/10.15507/2076-2577.012.2020.01.042-061>
12. Поцелуев С. П., Тимкук Дж. А. Многоэтнические общества между государственной и общественной нацией // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19, № 3. С. 96–125. DOI: <https://doi.org/10.31429/26190567-19-3-96-125>
13. Савинов Л. В. Национальная политика в современной России: концептуальная модель и ее реализация // Вестник Российской нации. 2020. № 2 (72). С. 9–17. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42956253> (дата обращения: 21.07.2020).
14. Сайранова М. В. Диалог культур в Республике Марий Эл // Инновационные технологии управления и права. 2017. № 2 (18). С. 65–72. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35333216> (дата обращения: 21.07.2020).
15. Солдатова А. С., Напалкова И. Г., Грыжанкова М. Ю. Специфика восприятия концептуальных конструкций формирования государственно-гражданской идентичности в современном российском обществе (по материалам фокус-групп) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2019. Т. 19, № 4 (48). С. 464–478. DOI: <https://doi.org/10.15507/2078-9823.048.019.201904.464-478>
16. Солдатова А. С., Семушенкова А. С. Особенности конструирования уровней идентичности в проектной деятельности российских некоммерческих организаций // Ars Administrandi (Искусство управления). 2020. Т. 12, № 2. С. 176–202. DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2020-2-176-202>

17. Соловьев В. С., Шабыков В. И. Этноцензовые отношения в Республике Марий Эл: факторы конфликтности // Финно-угорский мир. 2012. № 3–4 (12–13). С. 131–137. URL: <http://csfu.mrsu.ru/arh/2012/3-4/131-13> (дата обращения: 21.07.2020).
18. Сулейманов А. Р., Сулейманова А. Р. Влияние политической воли на формирование и укрепление общегражданской нации // Вопросы политологии. 2018. Т. 8, № 6 (34). С. 48–53. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35185669> (дата обращения: 21.07.2020).
19. Сушенцова В. Г. Проблема республиканского гражданства в новейшей истории Республики Марий Эл // Марийский юридический вестник. 2014. № 11. С. 80–86. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22577490> (дата обращения: 21.07.2020).
20. Толкунов Н. С. Регулирование межэтнических отношений на региональном уровне (на примере Республики Мордовия) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 69–76. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42581711> (дата обращения: 21.07.2020).
21. Ушкин С. Г., Козин В. В., Французов В. В. Повседневные социокультурные практики межнационального взаимодействия населения в полиэтническом регионе // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11, № 3. С. 356–365. DOI: <https://doi.org/10.15507/2076-2577.011.2019.03.356-365>
22. Финно-угорский мир: опыт системного анализа / под ред. Н. М. Арсентьева. Саранск: Изд. центр ИнСтИтут, 2020. 424 с.
23. Чиркова О. Н. Механизмы формирования региональной идентичности на примере Республики Мордовия // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2017. № 3 (47). С. 120–125. URL: <http://www.vestnik-soc.unn.ru/ru/nomera> (дата обращения: 21.07.2020).
24. Шабыков В. И., Кудрявцева Р. А., Орлова О. В. Национальность и национальная гордость в ценностной структуре этнической идентичности в Республике Марий Эл (социологическое исследование) // Социодинамика. 2018. № 8. С. 33–42. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35427112> (дата обращения: 21.07.2020).
25. Шаров В. Д. Этнокультурное развитие марийцев на рубеже веков: некоторые итоги и перспективы // Финно-угроведение. 2016. № 1 (55). С. 24–29. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37383827> (дата обращения: 21.07.2020).
26. Шилов Н. В. Основные тенденции этнополитического развития в современной Мордовии // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2016. № 1. С. 119–127. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25941171> (дата обращения: 21.07.2020).
27. Achkasov V. A., Abalian A. I., Poliakova N. V. «Region-building»: the specifics of the Russian regional identity policy // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 89–95. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/451/12>
28. Bradshaw A. Propaganda for nation-building // Nature Human Behaviour. 2019. Vol. 3, issue 9. P. 894. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41562-019-0737-9>
29. Dieckhoff A. Nationalism and the multinational state. London, Hurst and New York: Oxford Univ. Press, 2016. 232 p.
30. Goldscheider C. Population, Ethnicity, and Nation-Building. New York: Routledge, 2019. 301 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429302640>
31. Ferreira C. Nation-building in a Multinational State: Between Majority and Minority Aspirations // 50 Shades of Federalism. 2020. May. P. 1–6. Available from: <https://50shadesoffederalism.com/theory/nation-building-in-a-multinational-state-between-majority-and-minority-aspirations/> (accessed 21.07.2020).
32. Mylonas H. Methodological Problems in the Study of Nation-Building: Behaviorism and Historicist Solutions in Political Science // Social Science Quarterly. 2015. Vol. 96, issue 3. P. 740–758. DOI: <https://doi.org/10.1111/ssqu.12189>
33. Grigoryan L., Kotova M. National Identity Management Strategies: Do they Help or Hinder Adoption of Multiculturalism in Russia? // Psychology in Russia: State of the Art. 2018. Vol. 11, issue 3. P. 8–35. DOI: <https://doi.org/10.11621/pir.2018.0302>
34. Morova N. S., Lezhnina L. V., Biryukova N. A., Domracheva S. A., Makarova O. A. Diversity and Tolerance in a Multi-Ethnic Region of Mari El Republic, Russia // Review of European Studies. 2015. Vol. 7, issue 8. P. 171–182. DOI: <https://doi.org/10.5539/res.v7n8p171>
35. Ogbonna H. O. Ethnicity capital and nation-building // Net Journal of Social Sciences. 2018. Vol. 6, issue 1. P. 9–17. DOI: <https://doi.org/10.30918/NJSS.61.17.024>
36. Stewart K. L. Democratic and Autocratic Nation Building // Nationalities Papers. 2020. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1017/nps.2020.24>
37. Tolz V. Forging the nation: National identity and nation building in post-communist Russia // Europe Asia Studies. 1998. Vol. 50, issue 6. P. 993–1022. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668139808412578>
38. Torpey J. About Nation-Building // Sociological Forum. 2020. Vol. 35, issue 1. P. 250–252. DOI: <https://doi.org/10.1111/socf.12578>

Поступила 21.07.2020, опубликована 26.10.2020

NATION-BUILDING MECHANISMS AND CORRELATION OF IDENTITIES: REGIONAL DIMENSION

(experience of the republics of Mari El and Mordovia, 2013–2019)

Olga V. Bakhlova,

*Doctor of Political Sciences, Professor,
Department of General History, Political Science and Area Studies,
National Research Mordovia State University
(Saransk, Russia), olga.bahlova@gmail.com*

Igor V. Bakhlov,

*Doctor of Political Sciences,
Head of the Department of General History, Political Science and Area Studies,
National Research Mordovia State University
(Saransk, Russia), bakhlov@mail.ru*

Introduction. Nation-building is a long-term historical process that covers many areas, directions and levels. The complex composition of the Russian population and the federative structure actualize its regional dimension. The specifics and dynamics of this dimension are shown on the example of the Republics of Mari El and Mordovia, and their peoples who participated in the formation of the Russian State for centuries. The main tasks touch upon the characterization of regulatory options for the correlation of identities, content and vectors of discursive practices of national authorities, coupling mechanisms of nation-building from the perspective of identity politics to relate to the experience of both republics.

Materials and Methods. The main sources were official documents of the Republic of Mari El and the Republic of Mordovia, materials that form the content of Republican Internet portals. The research was based on system, dialectical and institutional approaches, modernist constructivism and instrumentalism. The key methods are historical and diachronic, as well as multi-level and comparative analysis, and document study.

Results and Discussion. The paper revealed constants and dominants of the experience of the republics of Mari El and Mordovia in the context of nation-building and identity politics. It defined dynamic changes in the period 2013–2019 and their correlation with the previous development of the Republics as Soviet autonomies and national-state entities within the Russian Federation. It emphasizes the main internal points for the specified period that demonstrate the adjustment of reference points in the ratio of identities.

Conclusion. The experience of the Republics of Mari El and Mordovia in the studied perspective is evaluated as positive, but it testifies the maintenance of continuing limitations of the institutional plan both for the positioning of regional elites and for promoting effective mechanisms of nation-building at the regional level. The evolution of their practices is associated with a decrease in the value of ethnic capital as a political tool, reduction / elimination of attributes of post-Soviet strategies for sovereignty, and constructive activation of ethno-cultural organizations in Russian national projects.

Key words: interethnic harmony; nation-building; identity politics; the Republic of Mari El; the Republic of Mordovia; the Russian nation.

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for basic research, the project "Spatial development of Russia as a factor of nation-building and the formation of a national idea" No. 18-011-00364 A.

For citation: Bakhlova OV, Bakhlov IV. Nation-building mechanisms and correlation of identities: regional dimension (experience of the republics of Mari El and Mordovia, 2013–2019). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12; 3: 286–302. (In Russian)

REFERENCES

1. Bakhlov IV, Bakhlova OV. Implementation of the state national policy of the Russian Federation in the Finno-Ugric Republics, the subjects of the Russian Federation: evolution of approaches and practices (2000–2018). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2019; 11; 3: 301–324. DOI: <https://doi.org/10.15507/2076-2577.011.2019.03.301-324> (In Russian)
2. Bakhlova OV, Bakhlov IV. State policy of nation-building in Russia: content, institutions and mechanisms. *Regionologia* = Regionology. 2019; 27; 3 (108): 413–435. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413->

- 1407.107.027.201903.413-435 (In Russian)
3. Bogatova OA. Features of images of «Finno-Ugric» republics in a political discourse of public authorities (on an example of republics Mari El, Mordovia and the Udmurt Republic). *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Ser.: Sotsiologiya. Politologiya* = News of Saratov University. News series. Series: Sociology. *Politology*. 2015; 15; 2: 103–107. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23711540> (accessed 21.07.2020). (In Russian)
 4. Bogatova OA. Social construction of the Republican identity in the regional political discourses. *Regionologiya* = Regionology. 2017; 25; 1 (98): 117–138. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28923274> (accessed 21.07.2020). (In Russian)
 5. Volkov YuG, Lubsy AV. Russian reality in the space of sociological discourse. Rostov-na-Donu; Taganrog; 2019. Bk. 2 (In Russian)
 6. Vorontsov VS, Martynenko AV, Orlova OV, Shabaev YuP. Problems of public perception of migration by the population of the Finno-Ugric republics of Russia (based on materials from Mari El, Mordovia, Komi, Udmurtia). *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovaniy* = Yearbook of Finno-Ugric studies. 2019; 13; 4: 653–663. DOI: <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2019-13-4-653-663> (In Russian)
 7. Kozin VV, Ushkin SG. Ethnosociological Studies in the Republic of Mordovia in 1990–2010: A Retrospective Analysis. *Regionologiya* = Regionology. 2019; 27; 4 (109): 858–879. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.109.027.201904.858-879> (In Russian)
 8. Limkina NA. Interethnic relations in the Republic of Mordovia. *Sotsial'naya integratsiia i razvitie etnokul'tur v evraziiskom prostranstve* = Social integration and Development of Ethnic Cultures in the Eurasian Space. 2018; 6-1: 55–59. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36647894> (accessed 21.07.2020). (In Russian)
 9. Martynenko AV, Nadkin TD. Ethno-political and confessional development in the post-soviet Republic of Mordovia: achievements, problems and prospects. *Klio* = Clio. 2014; 6: 89–91. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21634709> (accessed 21.07.2020). (In Russian)
 10. Mokshin NF, Mokshina EN. Ethnic processes among the Mordvins today. *Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Humanitarian: the actual problems of humanities and education. 2015; 4: 26–30. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29370893> (accessed 21.07.2020). (In Russian)
 11. Napalkova IG, Kurochkina KV. Historical and modern personality and image as an element of symbolic ethnonational capital of the Republic of Mordovia (2014–2019). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12; 1: 42–61. DOI: <https://doi.org/10.15507/2076-2577.012.2020.01.042-061> (In Russian)
 12. Potseluev SP, Timkuk JA. Plural societies between the state nation and consociational nation. *Iuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk* = South Russian journal of social Sciences. 2018; 19; 3: 96–125. DOI: <https://doi.org/10.31429/26190567-19-3-96-125> (In Russian)
 13. Savinov LV. State ethno-national policy in modern Russia: conceptual model and it's realization. *Vestnik Rossiiskoi natsii* = Bulletin of the Russian nation. 2020; 2: 9–17. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42956253> (accessed 21.07.2020). (In Russian)
 14. Sajranova MV. Dialogue of cultures in the Republic of Mari El. *Innovatsionnye tekhnologii upravleniia i prava* = Innovative technologies of management and law. 2017; 2: 65–72. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35333216> (accessed 21.07.2020). (In Russian)
 15. Soldatova AS, Napalkova IG, Gryzhankova MYu. Perception of Civil Identity Symbols in Russia: (Based on Focus Groups). *Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2019; 19 (4): 464–478. DOI: <https://doi.org/10.15507/2078-9823.048.019.201904.464-478> (In Russian)
 16. Soldatova AS, Semushenkova AS. The specificity of identity formation in project activities of Russian non-profit organizations. *Ars Administrandi. Iskustvo upravleniia* = Ars Administrandi. Art of management. 2020; 12; 2: 176–202. DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2020-2-176-202> (In Russian)
 17. Soloviev VS, Shabykov VI. Ethnocentric relations in the Republic of Mari El: conflict factors. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2012; 3–4: 131–137. Available from: <http://csfu.mrsu.ru/arh/2012/3-4/131-13> (accessed 21.07.2020). (In Russian)
 18. Sulejmanov AR, Sulejmanova AR. Influence of political will on the formation and strengthening of the civil nation. *Voprosy politologii* = Questions of political science. 2018; 8; 6 (34): 48–53. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35185669> (accessed 21.07.2020). (In Russian)
 19. Sushentcova VG. The problem of Republican citizenship in the modern history of the Republic of Mari El. *Mariiskii iuridicheskii vestnik* = Mari legal Bulletin. 2014; 11: 80–86. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29370893> (accessed 21.07.2020). (In Russian)

- brary.ru/item.asp?id=22577490 (accessed 21.07.2020). (In Russian)
20. Tolkunov NS. Regulation of inter-ethnic relations at the regional level (on the example of the Republic of Mordovia). *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* = Bulletin of Tula State University. Film Humanities. 2020; 1: 69–76. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42581711> (accessed 21.07.2020). (In Russian)
 21. Ushkin SG, Kozin VV, Frantsuzov VV. Daily socio-cultural practices of inter-national interaction of population in multi-ethnic region. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2019; 11; 3: 356–365. DOI: <https://doi.org/10.15507/2076-2577.011.2019.03.356-365> (In Russian)
 22. Finno-Ugric world: the experience of system analysis. Saransk; 2020 (In Russian)
 23. Chirkova ON. Mechanisms of regional identity formation on the example of the Republic of Mordovia. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Ser.: Sotsial'nye nauki* = Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences. 2017; 3: 120–125. Available from: <http://www.vestnik-soc.unn.ru/ru/nomera> (accessed 21.07.2020). (In Russian)
 24. Shabykov VI, Kudryavtseva RA, Orlova OV. Nationality and national pride in the value structure of ethnic identity in the Republic of Mari El (sociological research). *Sociodinamika* = Sociodynamics. 2018; 8: 33–42. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35427112> (accessed 21.07.2020). (In Russian)
 25. Sharov V. Ethno-cultural development of the Mari at the turn of century: some results and prospects. *Finno-ugrovedenie* = Finno-Ugric studies. 2016; 1: 24–29. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37383827> (accessed 21.07.2020). (In Russian)
 26. Shilov NV. Major tendency in modern ethnical and political development of Mordovia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8: Istoriiia* = Bulletin of the Moscow University. Series 8: History. 2016; 1: 119–127. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25941171> (accessed 21.07.2020). (In Russian)
 27. Achkasov VA, Abalian AI, Poliakova NV. «Region-building»: the specifics of the Russian regional identity policy. *Tomsk State University journal*. 2020; 451: 89–95. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/451/12> (In English)
 28. Bradshaw A. Propaganda for nation-building. *Nature Human Behaviour*. 2019; 3; 9: 894. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41562-019-0737-9> (In English)
 29. Dieckhoff A. Nationalism and the multination state. London, Hurst and New York; 2016. (In English)
 30. Goldscheider C. Population, Ethnicity, and Nation-Building. New York; 2019. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429302640> (In English)
 31. Ferreira C. Nation-building in a Multinational State: Between Majority and Minority Aspirations. *50 Shades of Federalism*. 2020; May: 1–6. Available from: <https://50shadesoffederalism.com/theory/nation-building-in-a-multinational-state-between-majority-and-minority-aspirations/> (accessed 21.07.2020). (In English)
 32. Mylonas H. Methodological Problems in the Study of Nation-Building: Behaviorism and Historicist Solutions in Political Science. *Social Science Quarterly*. 2015; 96; 3: 740–758. DOI: <https://doi.org/10.1111/ssqu.12189> (In English)
 33. Grigoryan L, Kotova M. National Identity Management Strategies: Do they Help or Hinder Adoption of Multiculturalism in Russia? *Psychology in Russia: State of the Art*. 2018; 11; 3: 8–35. DOI: <https://doi.org/10.11621/pir.2018.0302> (In English)
 34. Morova NS, Lezhnina LV, Biryukova NA, Domracheva SA, Makarova OA. Diversity and Tolerance in a Multi-Ethnic Region of Mari El Republic, Russia. *Review of European Studies*. 2015; 7; 8: 171–182. DOI: <https://doi.org/10.5539/res.v7n8p171> (In English)
 35. Ogbonna HO. Ethnicity capital and nation-building. *Net Journal of Social Sciences*. 2018; 6; 1: 9–17. DOI: <https://doi.org/10.30918/NJSS.61.17.024> (In English)
 36. Stewart KL. Democratic and Autocratic Nation Building. *Nationalities Papers*. 2020: 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1017/nps.2020.24> (In English)
 37. Tolz V. Forging the nation: National identity and nation building in post-communist Russia. *Europe Asia Studies*. 1998; 50; 6: 993–1022. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668139808412578> (In English)
 38. Torpey J. About Nation-Building. *Sociological Forum*. 2020; 35; 1: 250–252. DOI: <https://doi.org/10.1111/socf.12578> (In English)

Submitted 21.07.2020, published 26.10.2020